

*Здесь и сейчас***«РУССКАЯ ВЛАСТЬ» И ГОСУДАРСТВО
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ***А.В. Лубский**Южный федеральный университет,**Р.А. Лубский**Ростовский юридический институт МВД РФ*

Аннотация: *«Русская власть» рассматривается как метафора, выступающая концептуальным осмыслением онтологических оснований пути России в современном мире. Эта метафора позволяет синкретически выразить специфику государственной власти в России и особенности современного российского государства, обусловленные наличием в нем неформальных институциональных практик, основу которых составляют этатизм, патернализм, корпоратизм и клиентелизм.*

Ключевые слова: *«Русская власть», российское государство, неформальные институциональные практики, этатизм, патернализм, корпоратизм, клиентелизм, клиентарно-корпоратистское государство.*

В начале 90-х гг. прошлого века Россия стала напоминать «Витязя на распутье». Этот образ актуализировал в национальном самосознании вопрос о том, куда идёт Россия. В 1994–2006 гг. был опубликован целый ряд работ по материалам симпозиума на эту тему [Куда идёт Россия? 1994–2006]. Ответы на вопрос, «куда идёт Россия?», дававшиеся, как правило, в русле западной или почвеннической интеллектуальной традиции, носили в целом ангажированный характер, обусловленный ценностными пристрастиями российских интеллектуалов.

Ценностный раскол был характерен и для российской политической элиты, поэтому Россия, оставаясь в рамках «догоняющего развития», постоянно испытывала модернизационные «шатания». В начале модернизационные усилия реформаторов были направлены на трансформацию российского общества в либеральном направлении, затем была выбрана этатистская модель парциальной модернизации, потом было принято решение о переходе на модель линейной модернизации с либеральной спецификой, в последнее время обозначился возврат к государственноцентричной матрице развития российского общества и начался поворот к имперской модели модернизации [Лубский Р.А. 2015: 247–272].

В результате интеллектуальное сообщество в постсоветской России перманентно испытывало «шок от реальности», поскольку время от времени она попадала не туда, куда хоте-

лось. В связи с этим одна часть сообщества выступила с призывом прояснить, прежде всего, вопрос о том, «откуда идёт Россия?», для того чтобы, как отмечают исследователи, в начале «докопаться до корней проблемы, познать суть вещей, а потом что-то оценивать, предлагать и менять». Другая часть заявила, что «надо активно изучать новые структуры, не бояться перемен, нравятся они или нет», поскольку «если все время „зреть в корень“, то имеется опасность не отличить пенёк от дерева» [Штейнберг 2003: 405–407].

Актуализация вопроса, «откуда идёт Россия?», сопровождалась стремлением отечественных интеллектуалов «умом понять Россию», направленным на выяснение онтологических оснований российской действительности. В связи с этим в научном дискурсе стала использоваться такая метафора, как «Русская власть», которая была предложена В.П. Макаренко в одноимённой работе [Макаренко 1998], написанной в русле нового для российского академического сообщества направления — политической концептологии [Макаренко 2005; Лубский А.В. 2009: 117–128].

В рамках этого направления сложился особый вид трансдисциплинарных научных исследований, связанных с синкретическим осмыслением результатов дисциплинарных и междисциплинарных научно-исследовательских практик на метатеоретическом уровне [Лубский А.В. 2015: 9]. Основой такого осмысления является концептуальное мышление как интеллектуальная работа научного сознания по «схватыванию» смыслов в наиболее сложных случаях постижения социальной реальности, стремящегося тем самым сохранить репрезентативный характер социального познания. В отличие от теоретического мышления, оперирующего научными понятиями, концептуальное мышление стремится помыслить нечто общее, используя различные тропы, или риторические фигуры. Эти фигуры, усиливая образность речи, являются средством выражения целостного восприятия социальной действительности. Поэтому в концептуальном мышлении, стремящемся к синкретическому изображению социальной реальности в виде эмоционально-образных коннотаций и метафорических значений, риторическим фигурам придаётся идея метафизического смысла, рождающегося в дискурсивных практиках.

Благодаря концептуальному мышлению, в интеллектуальном дискурсе конструируются различные образы социальной реальности в качестве ее «картин-репрезентаций», посылающих такие же личные «послания» субъектов дискурсивных практик, как и сама социальная действительность. Эти образы выступают такой формой абстрагирования, модели которого задаются самим концептуальным мышлением. Тем самым риторические фигуры, формируемые речью в процессе дискурсивных практик, не только описывают, но и конструируют социальную реальность. Являясь формами концептуального мышления, эти фигуры, направленные на «схватывание» смыслов в единстве речевых высказываний, действуют в режиме непосредственного диалогического общения говорящего и слушающего, пишущего и читающего, и поэтому всегда сохраняют в интеллектуальном дискурсе открытые пространства для иных трансрефлексивных размышлений.

В целом метафора «Русская власть» выступает концептуальным осмыслением онтологических оснований «пути» России в современном мире. В российском дискурсе метафора пути имеет два значения: одно из них выражает склонность «русских к духовному странничеству», свидетельствующую об их постоянной потребности в самоидентификации в поисках правды и справедливости, а также своего места в меняющемся мире [Тиме 2009: 17]; другое значение — связано с духовными практиками интеллектуалов, отправляющихся в «путешествие за истиной». Такое «путешествие за истиной» началось, в частности, в конце XX в., когда стало ясным, что «демократический транзит» России закончился неудачей и очередная попытка сделать ее Европой провалилась. Все это и побудило интеллектуальное сознание к

поиску причин неудач реформирования России «сверху», в том числе и через осмысление этих причин в рамках концептуального мышления с помощью метафоры «Русская власть».

Использование этой метафоры было обусловлено также тем, что в научно-исследовательских практиках в 90-х гг. прошлого века стал ощущаться дефицит научного языка, адекватного для описания, понимания и объяснения российской действительности, поскольку при ее изучении пользовались преимущественно языком западной академической науки, который сформировался в рамках иных способов мышления и при изучении других социокультурных реалий. В российской академической среде оказалось забытым методологическое предостережение П. Фейерабенда, который писал, что «словари и переводы являются весьма неудачным способом вводить понятие языка, синтаксис которого существенно отличен, например, от английского, или от идей, которые нельзя «подогнать» под западноевропейский способ мышления» [Файерабэнд 1986: 432]. В поисках языка, адекватного российской действительности, обратились к разного рода тропам, прежде всего, метафорам, позволяющим целостно осмысливать эту действительность.

Основу представлений В.П. Макаренко о «Русской власти» составляет идея «троевластия», согласно которой, в России есть только один субъект властных отношений, одновременно выступающий в трех «ликах» — «властитель-собственник-жрец». Все остальные («подданные, собственники, верноподданные») являются объектами этих отношений. Поэтому «Русская власть» у В.П. Макаренко, выступая атрибутом «властителя-собственника-жреца», для остальных объектов властных отношений наполняется онтологическим смыслом: власть — это «неопределённая, вездесущая и дьявольская сила» [Лубский А.В. 2015а: 31–48]. Таким образом, В.П. Макаренко разрабатывает концепцию «Русской власти» в русле, с одной стороны, ее трактовки как авторитарно-властного господства (основа — концентрация власти и собственности в одних руках), а с другой — понимания «Русской власти» как социальной онтологии.

Несколько иная концепция «Русской власти» была предложена Ю.С. Пивоваровым и А.И. Фурсовым в работе, посвящённой «Русской системе», в которой власть, иерархия и подчинение были объявлены глубинной сутью России [Фурсов, Пивоваров 1989]. Концептуальное содержание «Русской системы» состоит в следующем: русский мир — властечцентричен; власть является условием существования всех и всего. Оформляется социальный порядок, который авторы назвали Русской Системой. Основу этой системы составляет насилие, включающее, с одной стороны, принудительные социальные взаимодействия, а с другой — запечатлённые в культуре символы и ценности «порядка» и «сильной руки», а также преобладание принуждения в установках сознания и поведения.

Что общего в трактовках «Русской власти», данных в работах В.П. Макаренко, Ю.С. Пивоварова и А.И. Фурсова? Общим является то, что, во-первых, «Русской власти» придаётся метафизический характер, содержание которой подаётся в метафорической упаковке, во-вторых, центральным ее моментом выступает «насилие». При этом метафизическая природа «Русской власти» и «насилие» как ее атрибут выступают у авторов универсальным объяснением ее постоянного возрождения в России. Однако метафизика оказывается мало пригодной для объяснения, например, периодических кризисов «Русской власти», поэтому на помощь авторам, в частности, Ю.С. Пивоварову и А.И. Фурсову приходит, как отмечают исследователи, физикалистская метафора. В рамках этой метафоры весь многовековой российский тренд трактуется как двойственный процесс, с одной стороны, «утолщения» слоя приближенных к власти лиц (боярство, опричнина, дворянство, разночинное чиновничество, советская номенклатура, организованная концентрическими кольцами уменьшающихся партийных, советских и хозяйственных руководителей — «властепопуляция»), с другой стороны, «истончения» богатства (от боярских земель до советских пайков) [Дубовцев, Розов 2007: 8–

23]. По существу, у Ю.С. Пивоварова и А.И. Фурсова при рассмотрении причин сломов «Русской власти» речь идёт о росте номенклатуры и истощении ее ресурсов, т.е. государственной «кормушки».

Тем самым метафора «Русская власть», с учётом того, что последняя является, как у В.П. Макаренко, атрибутом «властителя-собственника-жреца», позволяет синкретически выразить специфику государственной власти в России. Одним из основных ресурсов этой власти, определяющих эту специфику, выступает «кормление». Как формальный институт «кормление» было отменено ещё при Иване IV, но как неформальный институт оно, как отмечает Т.С. Кондратьева, постоянно реактуализируется в России, в том числе и современной. При этом она рассматривает «кормление» как функцию «Русской власти» в двояком смысле: 1) кормление в смысле «править и кормиться», 2) кормление в смысле «править и кормить». Кормление как «править и кормиться» представляет собой неформальный политический институт. Кормление как «править и кормить» — это атрибут «Русской власти» как средства государственного управления [Кондратьева 2009]. В связи с этим надо отметить, что в русском языке слова «кормить» и «править» синонимичны, отсюда «стол» и «престол», а также «кормчий», который не только хорошо правит лодкой, но и кормит, ибо лучше других знает, где найти рыбу или зверя.

Метафора «Русская власть» позволяет выразить не только специфику государственной власти в России, но и особенности современного российского государства, обусловленные сохранением в нем таких неформальных институциональных практик, как служение государю, «кормленческий» характер государственной власти и служебно-раздаточный характер экономической системы, государственное попечительство и социальная мобилизация. Все это позволяет сделать вывод о том, что в современном российском государстве доминантами неформальных институциональных практик выступают этатизм и патернализм.

В современной научной литературе этатизм рассматривается как концепция государственной власти, абсолютизирующая мобилизационную роль государства, или как процесс государственного вмешательства во все сферы индивидуального и коллективного бытия [Лубский Р.А. 2012б: 156–157]. В рамках представлений о «Русской власти» этатизм выступает принципом взаимодействия в российском обществе государства и подданных. Этот принцип базируется на идее государства как «творца» российской истории и «ядра» общественной жизни. Нормативный характер этой идеи выражается в том, что она представляет собой проект тех отношений, которые должны быть между государем и подданными в российской действительности.

В этих отношениях безусловный приоритет отдаётся государству и власти государя, от которых все начинается в России и от которых все исходит в российском обществе — как хорошее, так и плохое. Миссия такого государства, персонифицированного в государе, заключается в формировании у подданных «веры-ожидания», символом которой выступает «путь», или «длинная дорога». При этом власть государя, от которого все зависит в этой жизни, сообщается переживается подданными как сакральная и вездесущая сущность, Специфика российского этатизма как принципа взаимодействия государства и подданных в российском обществе заключается также в правовом нигилизме, который сопровождается неверием подданных в закон как средство борьбы с социальной несправедливостью [Лубский А.В., Лубский Р.А. 2013: 90–103].

В современной научной литературе под патернализмом подразумевается, с одной стороны, забота о населении, удовлетворение его потребностей за государственный счёт, с другой — потребность населения в государственной опеке и попечении на основе делегирования государству полномочий по обеспечению индивидуального и социального благополучия. Патернализм рассматривается также как социальный институт, направленный на создание и

поддержание «комфортных» условий социального существования и обеспечения социального контроля [Лубский Р.А. 2012а: 79–80].

В контексте «Русской власти» патернализм в России выступает принципом взаимодействия государства и общества, обусловленный социокультурной традицией. В рамках этой традиции общество «ощущает» себя патриархальной семьёй во главе с государем, осуществляющим «отеческую» опеку над своими подданными. В связи с этим в обществе государство рассматривается как объект патерналистских ожиданий, а государственное попечительство — как «благо» и «обязанность» государя перед народом. Патернализм как принцип взаимодействия государства и общества — это общественная потребность в государственной опеке и сильном государстве, способном решать социальные проблемы и поддерживать в обществе социальный порядок. Поэтому патернализм — это не только политическая практика в России, осуществляемая государством, но и рутина повседневной жизни, предполагающая отказ от социальной активности в обмен на государственный патронаж, «освящённый» традициями прошлого, и твёрдые социальные гарантии «сверху» [Лубский А.В., Лубский Р.А. 2013: 90–103; Качалян, Лубский 2004].

Наряду с этатизмом и патернализмом, доминантами неформальных институциональных практик в современном российском государстве выступают также корпоратизм и клиентелизм. В свое время И.А. Ильин высказал мысль о том, что любое государственное устройство является сочетанием принципов корпорации и учреждения. При этом он подчёркивал, что, с одной стороны» реализованный до абсурда принцип корпорации «гасит всякую власть и организацию, разлагает государство и приводит к анархии», с другой — реализованный до абсурда принцип учреждения «гасит всякую человеческую самостоятельность, убивает свободу личности, духа». Поскольку единого образцового строя для всех народов и государств быть не может, то, как полагал И.А. Ильин, «грядущей России предстоит найти для себя свою, особую, оригинальную государственную форму, такое сочетание из «учреждения» и «корпорации», которое соответствовало бы русским, национальным историческим данным» [Ильин 1993: 98–105].

Такую оригинальную государственную форму современная Россия вынуждена искать не только в русле традиций «Русской власти», но и в условиях глобализации, одним из трендов которой является создание глобального рынка финансовых капиталов, в значительной степени независимых от контроля со стороны национальных государств. Ответом на «вызовы» этого тренда, как считают некоторые исследователи, стало появление государства-корпорации, представляющего собой своеобразный административно-хозяйственный комплекс, экономические цели которого предполагают, с одной стороны, этатизацию крупных финансово-экономических организаций, с другой — сведение к минимуму социально-экономические издержки по «содержанию» страны и проживающего в ней населения. Властная корпорация, отождествляя себя с государством, в первую очередь исходит из своих прагматических целей. В результате представители различных органов государственной власти используют государство-корпорацию для реализации сугубо частных интересов и извлечения чиновничьей ренты из своего положения в ней [Окара 2007]. В то же время исследователи подчёркивают, что государство-корпорацию не следует отождествлять с корпоративным государством, которое, являясь формой нации-государства, представляла собой социальное государство, в то время как государство-корпорация носит рыночно-экономический характер [Фурсов 2006: 52–57].

Современное российское государство, в котором основой неформальных институциональных практик выступает корпоратизм, является разновидностью государства-корпорации. В настоящее время существуют различные представления о том, какова сущность корпоратизма в России. Опираясь на идеи Ф. Шмиттера о неокорпоратизме [Шмиттер 1997: 3–16],

одни исследователи рассматривают корпоратизм как способ добровольного согласования интересов организованных групп и интересов государства в целях принятия обоюдовыгодных решений и контроля над их исполнением. Другие считают, что корпоратизм в России основывается на принудительном объединении этих интересов с учётом приоритета интересов государства. Третьи рассматривают корпоратизм как систему неформальных норм взаимодействия организованных групп интересов и государства, связанные с принятием политических решений с учётом определённых групп интересов [Перегудов 1998: 114–116; Галкин 2000: 147–158].

При этом исследователи, обращая внимание на противоречия российского корпоратизма, отмечают, что они были обусловлены противоборством в 90-х гг. прошлого века номенклатурной бюрократии и нарождающегося корпоративного сектора, который был представлен вертикально интегрированными холдинговыми компаниями. Представители этого сектора, оказывая влияние на государственную политику за счёт монополизации социально-экономических ресурсов, стремились вытеснить номенклатурную бюрократию из политико-государственной сферы и «встроиться» в ее бюрократическую систему [Юдина 2002: 11–13].

Основой неформальных институциональных практик, которые сложились в современном российском государстве, является не только корпоратизм, но и клиентелизм. Большую роль в разработке теории клиентелизма в России сыграл М.Н. Афанасьев, который подчёркивает, что адекватная интерпретация социально-политической реальности в современном российском обществе невозможна без специального анализа неформальных, персонально ориентированных клиентарных связей [Афанасьев 2000]. Исследователь рассматривает эти связи как разновидность властных отношений, реализуемых в системе «патрон-клиент» и противоречиво соединяющих личную зависимость и господство, взаимные услуги и солидарность.

Клиентарные связи как отношения «патронов» и «клиентов», реализуемые в контексте господства и покровительства, являются в России нормой социального поведения как управляемых, так и управляющих, т. е. представителей современного российского властвующего слоя или, как его определяет М.Н. Афанасьев, «постноменклатурного патроната». Такое определение, как считает исследователь, отражает актуальный тип господства, связанный с приватизацией социальной мощи распавшейся номенклатуры и частным присвоением средств и ресурсов. Кроме того, это «определение, — как считает исследователь, — характеризует наиболее действенные средства господства и обмена ресурсами — патрон-клиентные связи, частные союзы защиты и поддержки. В условиях институциональной неопределённости личные связи и клиентарно организованные социальные сети восполняют „дефицит государства“. В то же время, постольку поскольку клиентарные связи определяют реальное функционирование государственных и общественных учреждений, они подрывают официальные публичные институты, лишая их гражданского правового содержания» [Афанасьев 2000: 13]. В связи с этим некоторые эксперты отмечают, что «люди, которые сегодня находятся у власти в России, воспринимают государство как самих себя», государство для этих людей — «набор удобных инструментов», который позволяет им решать сугубо частные задачи [Белковский 2007].

С учётом того, что основой неформальных институциональных практик, сложившихся в современном российском государстве, является корпоратизм и клиентелизм, некоторые исследователи предлагают рассматривать его как клиентарно-корпоратистское [Лубский Р.А. 2014: 55]. Особенности такого государства состоят в господстве «постноменклатурного патроната», синкретически соединяющего политическое и экономическое могущество, приватизировавшего, с одной стороны, политическую силу прежней номенклатуры, а с другой — национальные богатства, превратив их в групповую или индивидуальную собственность, перекрыв к ним доступ абсолютного большинства населения страны.

Особенности клиентарно-корпоратистского государства состоят также в патримониальном характере господства, а также в доминировании клиентарных связей как основы социальных взаимодействий. Эти связи носят неформальный, а, зачастую, и «теневой» характер. В товарно-денежном контексте клиентарных связей индивидуальный обмен результатами деятельности в современной России превращается, как правило, в куплю-продажу разнообразных услуг, что размывает границы между подарком и взяткой, а также между ритуальной «почестью» и обыкновенным подкупом. Подобная социальная практика формирует в массовом сознании социальный образ, отождествляющий клиентарные связи с коррупцией. Однако эти связи, при всей их коммерциализации, не сводятся только к платным услугам и подкупу [Афанасьев 2000: 24]. Клиентарные связи, обеспечивая контрагентов необходимыми и желаемыми ресурсами, удовлетворяют также их потребность в доверии, дефицит которого всегда ощущается в обществе, особенно в условиях его кризиса. Поэтому клиентарные связи на практике, несмотря на присутствие в них коррупционной составляющей, включают и взаимоотношения, основанные на личной преданности и покровительстве, что является залогом успешного карьерного роста.

Однако в контексте товарно-денежных отношений существует определённое понимание «закона» этого роста: путь вверх невозможен без нужных связей и денег, притом что деньги часто являются производной от этих связей. Поэтому некоторые исследователи обращают внимание на то, что взаимоотношения внутри российского чиновничества, основанные на личной преданности и покровительстве, являются основным фактором успешного карьерного роста, а неформальная координация деятельности различных субъектов так называемого «теневого партнерства» определяет специфику деятельности официальных организаций [Афанасьев 1995]. Все это приводит к отчуждению клиентарно-корпоратистского государства и общества, сопровождаемому невмешательством государства в частную жизнь людей в обмен на их лояльность и отказ от гражданского контроля.

Доминирование клиентарных связей как основы социальных отношений определяет реальное функционирование в России государственных и общественных учреждений. Вместе с тем, погоня за прибылью и отсутствие механизмов «идеологического сдерживания» со стороны государственной власти придают клиентарным связям в российском обществе неустойчивый и альтернативный характер.

Таким образом, неформальные институциональные практики в современном российском государстве базируются, с одной стороны, на этатизме и патернализме, с другой — корпоратизме и клиентелизме. В результате эти практики приобретают кентаврообразный характер, который заключается в том, что, с одной стороны, происходит разгосударствление различных сфер жизни российского общества, с другой — усиление государственного «присутствия» во всех его областях и укрепление вертикали власти; с одной стороны, допускается дозированная степень открытости и конкурентности, с другой — происходит постоянное воспроизводство клиентарных связей и «теневых» согласований; с одной стороны, наблюдается позиционирование главы государства как «раба на галере», десакрализирующего источник своей власти, или «наёмного менеджера», управляющего делами в государстве, в котором доминирует «партия власти» и отсутствует системная политическая оппозиция, с другой — обнаруживается стремление провозгласить его национальным лидером, хранителем традиционных ценностей, олицетворяющим народное начало российского государства. Поэтому государство в современной России — это и рыночное государство, перекалывающее бремя экономического ответственности на самих граждан, и социальное государство, реализующее социальные программы и опекающее различные слои населения. Это — государство, в основе функционирования которого лежат многочисленные неформальные институты, которое реализует на практике принцип «друзьям — все, врагам — закон», но претендующее на статус правового государства.

Афанасьев М.Н. 1995. Государев двор или гражданская служба? Российское чиновничество на распутье. — *Полис. Политические исследования*. — № 6.

Афанасьев М.Н. 2000. *Клиентелизм и российская государственность: Исследование клиентарных отношений, их роли в эволюции и упадке прошлых форм государственности, их влияния на политические институты и деятельность властвующих групп в современной России*. 2-е изд., доп. — М.: Московский общественный научный фонд.

Белковский С.А. 2007. «Газпром» — это совокупность коммерческих кланов. — Доступно: <http://www.apn.ru/publications/article16912.htm>. — Проверено: 7.03.2016.

Галкин А.А. 2000. Корпоратизм как форма отношений между государством и обществом: пределы и опасности. — *Полис. Политические исследования*. — № 6.

Дубовцев В.А., Розов Н.С. 2007. Природа «Русской власти»: от метафор к концепции. — *Полис. Политические исследования*. — № 3.

Ильин И.А. 1993. Что есть государство — корпорация или учреждение? — *Собр. соч. Т. 2. Кн. 1*. — М.: Русская книга.

Качалян А.С., Лубский А.В. 2004. *Горнопромышленники Юга России (конец XIX – начало XX века)*. — Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ.

Кондратьева Т.С. 2009. *Кормить и править: О власти в России XVI–XX вв. / Пер. с фр.* — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН).

Куда идёт Россия? Монографические сборники работ по материалам симпозиума: 1994–2006 гг. — *Федеральный образовательный портал «ЭСМ»*. — Доступно: <http://ecsocman.hse.ru/text/22887831/>. — Проверено: 3.03.2016.

Лубский А.В. 2015а. Концепт «русская власть»: метафорические возможности интеллектуального дискурса. — *Русская власть и бюрократическое государство: коллективная монография / Отв. ред. В.П. Макаренко. Ч. 2*. — Ростов н/Д: Издательство Южного федерального университета.

Лубский А.В. 2015б. Междисциплинарные научные исследования: когнитивная «мода» или социальный «вызов». — *Социологические исследования*. — № 10.

Лубский А.В. 2009. Политическая концептология как «захват мира политики» и приглашение к дискурсу. — *Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований*. — № 1.

Лубский А.В., Лубский Р.А. 2013. Этатизм патернализм как культурные маркеры цивилизационной идентичности в России. — *Гуманитарий Юга России*. — № 3.

Лубский Р.А. 2015. *Российская государственность как социальная реальность: методология многомерного исследования, типы, специфика развития: диссертация ... докт. филос. наук*. Ростов н/Д.

Лубский Р.А. 2012а. Патернализм как предмет научного дискурса. — *Философия права*. — № 5 (54).

Лубский Р.А. 2012б. Этатизм как принцип взаимодействия человека и государства в России. — *Историческая и социально-образовательная мысль*. — № 6.

Лубский Р.А. 2014. *Российская государственность как социальная реальность*. — Ростов н/Д: Фонд науки и образования.

Макаренко В.П. 1998. *Русская власть (теоретико-социологические проблемы)*. — Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ.

Макаренко В.П. 2005. *Политическая концептология: обзор повестки дня*. — М.: Праксис.

Окара А.Н. 2007. Государство-корпорация как новый тренд для России, Украины и Белоруссии. — *Интелрос*. — Доступно: http://www.intelros.ru/subject/belorus/551-andrej_okara_gosudarstvokorporacija_kak_novyj_trend_dlja_rossii_ukrainy_i_belorussii.html. — Проверено: 7.03.2016.

Павленко С.Ю. 1999. Элемент демократии или закулисные сделки? — *Pro et Contra*. — Т. 4. — № 1.

Перегудов С.П. 1998. Новый российский корпоратизм: от бюрократического к олигархическому? — *Полис. Политические исследования*. — № 4.

Тиме Г.А. 2009. Путешествие из Петербурга в Москву с остановкой в Берлине (Пути самоидентификации России в XX веке). — *Вопросы философии*. — № 10.

Файерабенд П. 1986. *Избранные труды по методологии науки*. — М.: Прогресс.

Фурсов А., Пивоваров Ю. 1998. Русская Система: генезис, структура, функционирование: (Тезисы и рабочие гипотезы). — *Русский исторический журнал*. — Т. 1. — № 3.

Фурсов А.И. 2006. Государство, оно же корпорация. — *Эксперт-Украина*. — № 7.

Шмиттер Ф. 1997. Неокорпоратизм. — *Полис. Политические исследования*. — № 2.

Штейнберг И.Е. 2003. Международный симпозиум «Куда пришла Россия?..» через призму «двойной рефлексивности». — *Куда пришла Россия?.. Итоги социальной трансформации*. — М.: МВШСЭН.

Юдина Е.В. 2002. *Корпоратизм: методология исследования и социальная реальность: Автореф. дисс. канд. филос. наук*. — Ростов н/Д.